

СТРОГО ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ

В Сыктывкаре, в республиканском издательстве вышла в свет книга Н. П. Ивлева «Куратов в Казахстане».

Коми и Казахстан... Разумеется, в наши дни хозяйственные и культурные связи между ними постоянны и многообразны. Но начало последних уходит в далекое прошлое — на век с лишним назад. «Основоположник современной литературы коми народа Иван Алексеевич Куратов последние девять лет своей недолгой жизни провел на земле казахов» — это фраза из рецензируемой книги объясняет выход в Сыктывкаре работы алма-тинского краеведа Н. П. Ивлева*.

По основной своей специальности Н. П. Илев — инженер-дорожник, кандидат технических наук. Однако краеведение давно перестало быть для него только увлечением, а сделалось в полном смысле второй профессией. В его вышедшей несколько лет назад в издательстве «Казахстан» книге «Находки краеведа» немало уточнений и даже первооткрытий, связанных с биографиями таких лю-

дей, как Ф. М. Достоевский, П. П. Семенов-Тянь-Шанский, Чокан Валиханов.

Огромный труд над почти нетронутыми ранее архивными источниками лег в основу и книги «Куратов в Казахстане». В издательской аннотации к ней сказано, что она «представляет собой беллетризованное, но строго документальное повествование». К счастью, никакой беллетризации у Н. П. Ивлева нет, если, конечно, не принимать за оную умение просто, ясно и интересно писать об избранном предмете. Вот «строго документальное повествование» — это верно. Тем книга и ценна.

Автор убедительно разбивает некоторые привычные читательские представления — стереотипы. Интеллигент-просветитель, волею судьбы заброшенный в безграмотную глушь самой окраины царской России, Н. П. Илев с документами в руках доказывает: нет! Нельзя считать, что И. А. Куратов, находясь в Верном, жил в «медвежьем углу», в творческой изоляции... Оторванности от обще-

русской культуры не было. Он находился в кругу образованных и творчески мыслящих людей». На окраине империи первый поэт народа коми дружески общался с подлинно передовыми русскими людьми разных поколений — от знакомого Пушкина, близкого товарища Потебнина, поэта 20-х годов, переводчика Шекспира и Шиллера А. Г. Ротчева до участников революционного движения годов шестидесятых, вроде Льва Самарина, хорошо знавшего Некрасова и Чернышевского и ценившего ими. Немало сослуживцев Куратова являлось людьми широких культурных интересов, оставивших после себя не только газетные и журнальные публикации, но и книги. В Верном начала 70-х годов, который и городом-то тогда был больше по названию, выплывали — и не в одном экземпляре — не красовские «Отечественные записки» и благотворительское «Дело». Товарищи-сослуживцы не только ценили И. А. Куратова как человека большого ума и редкой душевной чистоты, но и понимали значение его работы над созданием письменности на родном языке, сохранили после

его смерти его рукописи и передали их в надежные руки.

Все это так... И тем не менее судьба И. А. Куратова остается глубоко драматичной. Люди его верненского окружения являлись все же исключением (возможно, это недостаточно подчеркнуто автором) в среде царского чиновничества и офицерства, в большинстве своем — поистине подавляющим — невежественного и корыстного. Н. П. Илев уместно приводит цитату из письма не названного им по фамилии семиреченского чиновника о его коллегах: «Эти люди постоянно и неуклонно практикуются «брать» во всех лицах и временах...».

В ту эпоху к уже патриархальным (но продолжавшим существовать вдали от столицы) типам «Ревизора» добавились энергичные «господа ташкентцы». Острое столкновение с одним из них, бароном Гревеницем, несомненно, намного укоротило жизнь Куратова (он умер в 1875 г. тридцати шести лет). Следовательно Е. Гревениц, сын сенатора, недавно прибывший из Петербурга, сам попал под следствие за попытку прикрыть прес-

тупление офицера Эмана, инсценировавшего опрабление (Эман вез большую сумму казенных денег). Расследование поручили Куратову, который узнал, какими средствами добился барон нужных показаний от казахов-«грабителей» (в объяснении молодой барон писал с редким даже для его среды цинизмом: «Исторически известно, что этот народ привык к пыткам»). Но все усилия Куратова, совершившего во время расследования несколько труднейших зимних поездок, окончательно подорвавших его здоровье, пропали даром. Рука из столицы вывела Гревеница из-под удара, по сути дела следователь-палач даже получил служебное повышение.

Но драма Куратова была не только в конфликтах с чиновничьей средой. Свой литературный подвиг по созданию родной письменности он совершал далеко от своего народа, почти в полном отрыве от него (а причина этого была до обидного простой — мелкий чиновник Семиреченского областного правления Куратов получал жалование весьма скромное, но в двенадцать раз большее, чем учитель Куратов — за

несколько лет до того — в родном Усть-Сысольске). Тоска по родному краю давила его. В этом смысле он был одинок — ведь даже самые близкие его друзья могли сочувствовать труду его жизни лишь чисто платонически. Разумеется, не могло быть у умирившего Куратова и уверенности, что главное его дело дойдет до потомков.

Наконец, постоянная, изнуряющая бедность. Жалование могло обеспечить его существование. Но Куратов считал своим долгом постоянно помогать нищим родственникам и племяннику, учившемуся в Петербурге. В последний же год болезни, то и дело укладывавшая его в постель, довела Ивана Алексеевича «до крайности» (жалование ведь шло лишь за дни службы). Трагический штрих: чтобы заплатить священнику, исповедовавшему и причастившему его, умирающий (он скончался через несколько часов) занимает 10 рублей у своей квартирной хозяйки... (Куратов был атеистом, но, видимо, не видел смысла и не имел сил отказываться от принятого обычая).

Он умер, не зная, что память о нем не умрет,

что родной народ будет ее свято чтить...

Ценность книги Н. П. Ивлева неоспорима, хотя, разумеется, в ней не все равноценно. Так, напрасно в нее включен большой очерк «Инженер Паклевский». О Куратове в очерке почти ничего нет (кроме нескольких штрихов, подтверждающих его служебную добросовестность; но о ней читателю уже хорошо известно), сама же фигура Козелл-Паклевского, ренегата революционного движения и энергичного, хотя часто неудачливого дельца, не вызывает — вопреки усилиям автора — ни интереса, ни, тем более, сочувствия. В тех редких случаях, когда биограф Куратова обращается к его стихам (кстати, почему-то не упоминая, кто их перевел на русский язык), комментирует он их достаточно наивно и неловко: «Даже в процедуре тризны он видит светлые, радостные проявления жизни». Вообще, думается, что даже придерживаясь строжайшей документальности, автор мог бы подробнее раскрыть духовную жизнь своего героя.

Но при этом нельзя забывать, что в книге «Куратов в Казахстане», подробно освещая большой и наиболее зрелый период жизни выдающегося сына народа коми, Н. П. Илев во многом выступает первопроходцем.

Павел КОСЕНКО.

7 ИЮН 1982

Алма-Ата

* Н. П. Илев. «Куратов в Казахстане». Сыктывкар. Коми книжное издательство. 1981.